

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ СТРУКТУРНАЯ СХЕМА «КОМУ (НЕ) ДЕЛАЕТСЯ КАК»: ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Схема «кому (не) делается как» представлена как знак синтаксического концепта «состояние». Уровень продуктивности речевой реализации, маркирование компонентами схемы конститутивных признаков состояния определяют ее размещение в центре синтаксического поля «состояние». Акцентировано внимание на лексическом наполнении компонентов схемы, ее способности к различным модификациям (типам видоизменения) и обогащению пропозиций высказываний, в основе построения которых находится выделенная схема.

1. Для объективации синтаксического концепта «состояние» в языке имеются специализированные и неспециализированные структурные схемы простого предложения (далее ССП).

Предикатив специализированных ССП представлен специализированным лексико-грамматическим материалом, изосемическими лексемами. Специализированные схемы предназначены для объективации синтаксического концепта «состояние» и не репрезентируют иных синтаксических концептов, тогда как для неспециализированных ССП функция быть маркером состояния является производной. В синтаксическом поле «состояние» специализированные ССП располагаются в ядерной зоне¹.

2. Одной из наиболее распространенных специализированных ССП, репрезентирующих синтаксический концепт «состояние одушевленного субъекта» является «демпассивная» (12, с.134) схема «кому (не) делается как». Формирует эту схему так называемая «безличная категория» (24, с. 308) глагола, характеризующаяся «оторванностью от своего деятеля», изображающая «деятельность без деятеля» (24, с. 305) и представленная не только глаголами типа *дождит, светает*, но и интересующими нас глаголами типа *не работает, спится, дремлет*, обозначающими различные психологические и физиологические состояния лица.

Назначение этой ССП заключается в предикативном приписывании называемого признака лицу – его носителю (7, с. 168; 14, с.122; 31, с. 97-98).

Вопрос о возникновении безличных конструкций в русском языке не является решенным. По

мнению А.А. Шахматова, безличные конструкции достаточно древние. Он считает, что сравнительное изучение славянских языков доказывает сильное распространение безличных предложений не только в общеславянском праязыке, но отмечает наличие этого структурно-семантического типа даже в индоевропейском праязыке (29, с. 87, 88). В.И. Борковский и П.С. Кузнецов, напротив, отмечают отсутствие в древнейших русских памятниках глаголов, обозначающих состояние («ощущение») живых существ и при этом употребляющихся исключительно в безличных предложениях (4, с. 386).

ССП «кому (не) делается как» менее продуктивна по сравнению с центральной схемой «кому есть каково»², предикатив которой представлен категорией состояния, хотя формирование категории состояния, следует предполагать, – явление более позднее: разряд слов, выражающих состояние, в русских грамматиках выделяется только с первой трети XIX века (9, с. 319; 24, с. 314; 30, с. 74).

В современном русском языке анализируемая структурная схема сосуществует со структурной схемой «кто находится в каком состоянии» типа *Он спит*. Она есть «преобразование», «трансформация» (1, с. 117) данной схемы, лишая субъектив активности, превращающая предикатив в непроизвольное, независимое от воли субъекта состояние.

Описываемая ССП двухкомпонентна. Она представлена дательным субъектива (*кому*) и безличным глаголом физиологического или психологического состояния (*не спится, нездоровится*).

В лексическом наполнении субъектного компонента употребительны наименования лиц или их местоименные субституенты: «дательная, безлич-

¹ Под синтаксическим полем «состояние» мы понимаем совокупность ССП, специализированных и неспециализированных, предназначенных для объективации смысла «состояние». Понятие поля связано с понятием пространства, имеющего свое ядро и периферию. Ядро поля формируют специализированные для реализации того или иного синтаксического концепта структурные схемы. Центр ядра представлен схемой, компоненты которой не только маркируют присутствующие анализируемому концепту признаки, но и является наиболее частотной в речевой реализации. Другие ядерные ССП располагаются с учетом продуктивности и маркированности основных признаков репрезентируемой категории на разном расстоянии от центра. Периферия поля представлена неспецифическими для объективации описываемой категории ССП.

² В нашем материале эти схемы представлены соотношением 34,2% – 1,5% от общего числа высказываний, сформированных специализированными ССП.

ная, модель априори предполагает соотнесение с человеческой сферой» (31, с. 99). Именно дательному падежу со значением лица свойствен признак пассивности, отсутствия контроля, неволеутивности чувства в отличие от субъекта-номинатива, которому присуща «активность, деятельность, контроль над ситуацией» (31, с. 97; 8, с. 44). В результате «демипассивной трансформации» активной ССП субъект становится «вполне пассивным воспринимателем какого-то состояния или какой-то ситуации» (1, с. 117). А.А. Шахматов, отмечая структурные особенности безличных предложений, указывал на то, что «главный член таких предложений не всегда вызывает представление о сочетании субъекта с предикатом. Весьма обычно, что представлению о субъекте соответствует дополнение. <...> Дополнение в д а т е л ь н. п а д е ж е называет представление о субъекте, переживающем действие предиката» (29, с. 95). «Д а т е л ь н. п а д е ж при глаголе, падеж косвенного приближаемого дополнения, выражает такое независимое от глагола представление, к которому направлено действие глагола, не охватывая этого представления (что? выражается винит. падежом) и не касаясь его непосредственно (что? выражается родит. падежом). Поэтому дательн. падежом выражается прежде всего название лица в его отношении ко всякому активному признаку, действию или состоянию, зародившемуся независимо от какого-либо производителя» (29, с. 334). Позицию дательного субъекта С.Д. Кацнельсон объясняет «сдвигом позиционной значимости падежа», который «обычно сопровождается заметными сдвигами в семантическом содержании глагола». Комментируя конструкцию *Ребенку не спится*, он отмечает, что конструкция «выражает действие спонтанное, совершающееся помимо воли и желания лица. Средством выражения спонтанности действия является в данном случае не только безличная конструкция, но и собственно безличный глагол *спаться*, суффикс которого выражает на сей раз не возвратность, а именно самопроизвольность действия» (20, с. 62).

Пассивность, неволеутивность чувства, отсутствие контроля над чувствами и выражение этих признаков, по мнению группы исследователей, есть свойство русского языкового типа мышления, русской ментальности, отличающее его от европейского языкового типа мышления³. «Говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и можно – как о пассивных экспериментерах. <...>

При экспериенциальном способе представления лица, о котором говорится в предложении, как правило, выступает в грамматической форме дательного падежа. <...> Одним из основных семантических компонентов, связанных с таким способом представления, – отмечает А. Вежицкая, – является отсутствие контроля...» (8, с. 44-45). Комментируя примеры типа *Мне не верится*, она замечает: «Именно таким способом русские очень часто рассказывают о событиях своей ментальной жизни, подразумевая при этом, что эти события просто «случаются» в их умах и что они не несут за них ответственности (8, с. 69)⁴.

Позицию предикатива рассматриваемой схемы представляют возвратные, как правило, безличные глаголы – дериваты переходных и непереходных личных глаголов различных лексико-грамматических групп, в том числе и личных глаголов с семой «состояние», как каузативных, так и некаузативных. Например: *говорить* → *говорится*, *грустить* → *взгрустнется*, *дремать* → *дремлется*, *дышать* → *дышится*, *лежать* → *лежится*, *чихать* → *чихается*, *любить* → *любится*, *работать* → *работается*, *спать* → *спится*, *сидеть* → *сидится*, *читать* → *читается*.

Категоризация действия как состояния осуществляется за счет грамматических свойств аффикса -ся. «Общее значение частицы -ся как словообразовательной морфемы состоит в усилении самостоятельности действия, в сосредоточенности действия в самом себе: поэтому, будучи присоединенной к переходному глаголу, она лишает этот глагол

³ Например, по мнению В.Г. Гака, «безличные конструкции в русском языке используются в 3-4 раза чаще, чем во французском» (11, с. 183).

⁴ Безличность как своего рода грамматическую метафору русской ментальности подчеркивает и высказывание опального богослова, философа и историка начала XX в. о. Георгия Флоровского, описывающего специфику русского исторического сознания в терминах русской грамматики: «...Нет творческого притяжения истории как подвига, как странствия, как дела... В русском переживании всегда преувеличивается значение безличных, даже бессознательных, каких-то стихийных сил, «органических процессов», «власть земли», точно история совершается скорее в страдательном залоге, более случается, чем творится... Выпадает категория ответственности» (цит. по (31, с. 97)). Сходная мысль «сказывается» и А. Вежицкой: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» (8, с. 76). Г.А. Золотова, напротив, разнообразие «безличных моделей» объясняет не преобладанием инволеутивности в русском языковом типе мышления, а богатством смысловых и выразительных оттенков, различий в выражении состояния, представленных в семантическом пространстве русского синтаксиса (13, с. 113; об этом же: 27, с. 65-753).

связи с объектом, устраняя его различными способами и тем самым сосредоточивая действие в самом себе; а будучи присоединенной к непереходному глаголу, она лишает этот глагол связи с субъектом действия, тем самым сообщая действию еще более самостоятельный характер, еще более сосредоточивая действие в самом себе», – констатирует Н.А. Янко-Триницкая (32, с. 245-246).

По мнению ученых, «безличная категория», представленная производными возвратными глаголами рассматриваемого типа, является «всеобщей», «т.е. форму эту можно образовать от к а ж д о г о глагола <...> за исключением возвратных» (24, с. 308). Это мнение разделяли С.О. Карцевский (19, с. 53), Л.А. Булаховский (5, с. 175, 327) и другие авторитетные филологи, но далеко не все. В.В. Виноградов считает «мнение А.М. Пешковского о возможности образовать безличную форму на -ся от любого невозвратного глагола ошибочной»; по мнению академика, «производство безличной формы на -ся ограничено строгими семантическими условиями (9, с. 372). А.В. Исаченко данные деривационные ограничения глагола видит в его стилистическом расслоении (16, с. 378). Т.В. Булыгина, соглашаясь с А.В. Исаченко в том, что «среди отвлеченных и книжных глаголов» безличные глагольные дериваты представлены реже, чем среди глаголов конкретно-бытовой лексики, причину этого явления видит все-таки не в стилистическом расслоении глагольной лексики, а в семантике, в том, что «значение многих «отвлеченных и книжных» глаголов несовместимо по смыслу с значением «внутренней предрасположенности к действию», «успешности совершения действия» и т. д., выражаемым данной формой» (7, с. 79).

Реже в позиции предикатива выступает безличный возвратный глагол, соотносимый с прилагательным *здоровый* → *здоров* → *нездоровится*. Например: *Я сегодня не здоров – Мне сегодня нездоровится*.

Исследователи отмечают характерную для высказываний с непереходными глаголами на -ся произвольную легкость, а при отрицании, наоборот, трудность или даже невозможность пребывания в определенном состоянии, в том числе и в состоянии определенной деятельности (24, с. 311; 26, с. 145; 8, с. 67). Например: *Мне сегодня хорошо работается; Знает, что нельзя будить ночью работницу Наташу только потому, что ей самой не спится* (Инбер. Чеснок в чемодане); *Но тебе не сидится, нет!* (Залыгин. Комиссия).

Отрицательные безличные глаголы репрезентируют ситуации, «когда усилия агента не дости-

гают цели». Например: *Мне сегодня не работается* «мое психическое состояние, мое настроение, несмотря на прилагаемые усилия, не способствует продуктивной работе». «Глагол здесь должен быть непереходным или должен употребляться как непереходный, а неспособность экспериментера, как она тут представлена, может быть отнесена всецело на счет его внутреннего состояния (как правило, настроения) и никак не связана с целевым объектом, если таковой имеется» (8, с. 67). Участие субъекта в действии, объективируемом предикативом, «сводится к своего рода соглашению – субъект примиряется со своим положением, которое возникло не по его воле» (12, с. 69).

Нельзя обойти вниманием и редкую реализацию ССПП «кому (не) делается как», когда предикатив позиционной схемы высказывания представлен непереходным личным глаголом в безличном употреблении. Ср.: *Состояние больного полегчало и Никанору Ивановичу полегчало после впрыскивания, и он заснул без всяких сновидений* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

В синтаксическом поле «состояние одушевленного существа» ССПП «кому (не) делается как» располагается в шестом кругу ядерной зоны рядом со схемой «кому (не) следует быть в каком состоянии»: *Мне остается радоваться* после схем «у кого давит что»: *У меня давит сердце* и «у кого есть каково в какой части тела»: *У всех муторно на душе*.

3. Модификационные изменения выделенной ССПП проявляются скупо. Как правило, это временная модификация, представленная формой прошедшего времени глагола при единичности высказываний с формами будущего времени. Например: *Мне очень хорошо читалось, и я уже начал было про себя понимать это внимание в пользу моей работы...* (М. Пришвин. Обнажение приема); *Зги не видно, Ночь вокруг. И бойцу взгрустнется* (А. Твардовский. Василий Теркин).

Структурно-семантическая модификация нашла отражение в неполной реализации схемы: не-вербализованным может оказаться пациенс. Однако позиция пациенса не утрачивается, носитель состояния легко восстанавливается из контекста или ситуации. Например: – *С добрым утром! Как спалось? – громко, с преувеличенной бодростью сказал Митя* (Ю. Трифонов. Доктор, студент и Митя); *Полегчало. Лишь небольшая тошнота осталась* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

Фазовая и модальная модификации описываемой ССПП не корректны и в нашем материале не отмечены.

4. Процесс речевой реализации ССПП «кому (не) делается как» может сопровождаться *усложнением* позиционных схем высказываний. Это усложнение определяется онтологическими и гносеологическими признаками категории состояния, предопределяющими в предикативе наличие факультативных семантических валентностей, реализуемых детерминантами. Репрезентируя ситуации, имеющие характер «побочного» сообщения и усугубляющие «внешние связи» состояния с контактируемыми ситуациями, детерминанты соотносят содержание высказывания с определенным фрагментом действительности, актуализируют его. (22, с. 304; 6, с. 18-19).

Усложнение позиционной схемы детерминантами ведет к *обогащению* пропозиции высказываний дополнительными смыслами: «время», «причина», «условие», «место».

Референтная ситуация, формирующая пропозицию, представленную смыслами «пациенс» и «состояние», характеризуется прежде всего временно-й ограниченностью. Состояние возникает во времени, длится в течение определенного времени, по истечении которого меняется, на смену одному состоянию приходит другое: хорошее настроение сменяется плохим, радость сменяется более ровным настроением или, напротив, тягостным, гнетущим. Признак непостоянности, временной ограниченности состояния предопределяет способность позиционной схемы усложняться темпоральными конструкциями. Эта способность пропозиции высказывания включать в свой состав смысл «время» неоднократно отмечалась в лингвистической литературе (6; 23; 25 и др.). А.М. Ломов, например, характеризуя способность номинативной модели предложения именовать «некую к о н с т а т и р у е м у ю с и т у а ц и ю», акцентирует внимание на наличии в модели любого предложения *константного экзистенциального* компонента, поэтому предложение «не просто называет нечто, но и констатирует, что это нечто существует или не существует (23, с. 32). «Благодаря этому, – пишет А.М. Ломов, ссылаясь на В. Брекера, – вся человеческая речь, состоящая из предложений, превращается <...> в говорение о существовании: «В каждом высказывании мы говорим, что нечто существует, в каждом вопросе мы спрашиваем, существует ли нечто, или что существует, или как су-

ществует, в каждом волеизъявлении мы приказываем, просим, желаем, чтобы нечто существовало» (23, с. 33).

Существование же, бытие, предполагает наличие или отсутствие чего-либо во времени и пространстве, что в свою очередь предопределяет сочетательные способности субъектно-предикатной структуры не только с темпоральными, но и с локативными конструкциями.

Темпоральный компонент пропозиции высказывания «пациенс – состояние – время» служит показателем эпизодичности, ограниченности состояния во времени. Например: *Летом [concrete time]⁵ ей как будто полегчало, и она выползла во двор, грелась на солнышке* (В. Распутин. Последний срок). *Солонцова вошла в завком буднично и просто, ей нездоровилось последние дни [duration during]* (П. Проскурин. Горькие травы).

Высказывания, в позиционной схеме которых локативные словоформы, немногочисленны. Например: *Олегу тоже не сиделось в бричке [loc]* (А. Фадеев. Молодая гвардия); *Летом Надюшка спала на вышке дома. Хорошо там [loc] дышалось* (Г. Марков. Отец и сын).

Эпизодичность состояния определяет возможность смены одного состояния другим. Для этой смены нужно основание, или причина. Первопричиной, например, эмоции служит обычно «физическое в о с п р и я т и е или ментальное с о з е р ц а н и е некоторого положения вещей», интеллектуальная оценка которого как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта, рождает соответствующую эмоцию: «причиной положительных эмоций <...> является наша интеллектуальная оценка каких-то событий как желательных, а причиной отрицательных эмоций <...> – оценка каких-то событий как нежелательных» (2, с. 52; ср.: 28, с. 144; 15, с. 28). Это так называемая внешняя причина, приводящая к смене одного состояния другим. Кроме внешних причин, каузаторы состояния могут быть и внутренними (22, с. 3; 17, с. 22; 15, с. 39). К таковым прежде всего мы относим благоприятное и неблагоприятное эмоциональное состояние (настроение) субъекта, при котором, по мнению Е.В. Клобукова, происходит совпадение «субъекта – каузатора» и «субъекта – каузанта» (21, с. 39). То есть одно психологическое или физиологическое состояние,

⁵ Смыслы обозначены английскими маркерами. Схема «кому (не) делается как» представлена как знак синтаксического концепта «состояние». Уровень продуктивности речевой реализации, маркирование компонентами схемы конститутивных признаков состояния определяют ее размещение в центре синтаксического поля «состояние». Акцентировано внимание на лексическом наполнении компонентов схемы, ее способности к различным модификациям (типам видоизменения) и обогащению пропозиций высказываний, в основе построения которых находится выделенная схема.

его характер и степень проявления могут сопутствовать другому психологическому или физиологическому (реже) состоянию или явиться причиной возникновения последнего и, таким образом, служить денотатом смысла `причина` пропозиции «пациенс – состояние – причина». В связи с этим уместными представляются слова Н.Д. Арутюновой о том, что «компоненты психической жизни взаимодействуют не только с нашим «я», они завязывают отношения друг с другом, образуя заговор, бунтуя, деля человека своим рабом, или, напротив, вступая между собой в конфликты. Известно, например, как не ладят между собой рассудок и сердце, совесть и желания, душа и страсти, надежда и опыт, как стремится разум победить эмоции и как часто терпит в этой битве поражение» (3, с. 94).

Поскольку, выражаемое в высказывании состояние чаще всего является «результатом действия с о в о к у п н о с т и стихийных или объективных обстоятельств» (26, с. 142), позиционная схема

высказываний, в основе построения которых ССПП «кому (не) делается как», позволяет включать конструкции со значением каузатора состояния, как правило, неизвестной причины состояния. Например: *А парню что-то* [unknown cause] *не спалось* (В. Пикуль. Фаворит); *Боль в душе притупилась, но дышалось почему-то* [unknown cause] *со стоном – жалобно и горько* (В. Распутин. Живи и помни); – *Не спится что-то* [unknown cause], *тетенька Анна. Все о них. Трудно им придется* (М. Алексеев. Ивушка неплакучая).

Позиционная схема высказываний может одновременно включать не только по одному дополнительному «усложняющему» компоненту, а по два, по три, формируя четырех- и пятикомпонентные пропозиции высказывания. Например: *Пришел Иван Степанович, председатель, хотя ему* [paciens] *в последнее время* [time] *что-то* [cause] *недужилось* [physiological state] (С. Крутилин. Липяги).

Список использованной литературы:

1. Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка, 1 – Однбазовые предложения / П. Адамец. – Прага, 1973.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // ВЯ. – 1995. – №1. – С. 37-67.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
4. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П.С. Кузнецов. – М.: АН СССР, 1963. – 512 с.
5. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка / Л.А. Булаховский. – Киев: Радянська школа, 1952. – Т. 1. – 446 с.
6. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей / Т.В. Булыгина. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
7. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С.7 – 85.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Русский перевод / Анна Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996 – 411 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
10. Гаврилова Г.Ф. Предложение – высказывание в когнитивном аспекте / Г.Ф. Гаврилова // НДВШ. Филолог. науки. – 2001. – №6. – С. 72 – 78.
11. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1988. – 263 с.
12. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке / М. Гиро-Вебер // ВЯ. – 1979. – № 6. – С. 63-75.
13. Золотова Г.А. Понятие личности / безличности и его интерпретации // Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language. – Vol. 24. – No 2, July 2000. – С. 103-115.
14. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., МГУ, 1998. – 524 с.
15. Изард Кэрролл Э. Психология эмоций / Кэрролл Э. Изард. – СПб. – Харьков – Минск: Питер, 1999. – 460 с.
16. Исаченко А.Б. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. – Т.2. Морфология / А.Б. Исаченко. – Братислава: Словацкая академия наук, 1960. – 578 с.
17. Калнберзинь Р.Я. Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Калнберзинь Р. Я. – М., 1958. – 18 с.
18. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах: Монография / А.А. Камалова. – Архангельск, 1998. – 326 с.
19. Карцевский С. Из лингвистического наследия / С. Карцевский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 343 с.
20. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
21. Клобуков Е.В. К основам семантической типологии каузальных конструкций / Е.В. Клобуков // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. – Красноярск, 1984. – С. 38-48.
22. Лебедева Л. Б. Пространственные и временные указания в общерферативных высказываниях / Л.Б. Булыгина 1982: 18-19].
23. Ломов А. М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 278 с.
24. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Изд.4. – М.: Учпедгиз, 1934. – 452 с.
25. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86-157.
26. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. – Самара: СамГПУ, 1997. – 325 с.
27. Тарланов З.К. Русское безличное предложение в контексте этнического восприятия / З.К. Тарланов // НДВШ. Филолог. науки. – 1998. – №5-6. – С. 65-75.
28. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 436 с.
29. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – 2-е изд. – Л., 1941. – 621 с.
30. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63-84.
31. Яковлева Е.С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике / Е.С. Яковлева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – №3. – С. 96-105
32. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: АН СССР, 1962. – 247 с.